12. Приходитъ въ ту комнату, въ которой они проживаютъ; приказалъ матери ево напоить-накормить всякими *бисе́ртами*, Ивана купеческова сына. Ночь переночевалъ, поутру́ заглянулъ въ ту комнату: жены́ нѣту до́ма. Харкъ Харковичъ Солонъ Солонычъ сказалъ: „возьми моёва коня́ люби́мца ста́рова, на которомъ ты ѣздилъ, на нёмъ и поѣзжай, а на свои́мъ не ѣзди конѣ, не отбирай у тётки: гдѣ онъ стоитъ, тутъ и стой!“—Заѣхалъ къ первой Ягѣ Ягишнѣ, гдѣ ло́шадь оставлена; заходитъ въ ызбу, поздоровался. — „Што, мою жену не вида́ла ли?“ — Яга Ягишна отвѣтила: „недавно на печѣ лёжа́ла, отправилась она домой“.

13. Очень онъ торопился; скоро отправлялся впередъ. Подъѣзжаетъ къ другой избушкѣ. — „Ахъ, племя́нничекъ, явился наза́дъ!“ — „Да, тётушка, назадъ!“ — „Какъ ты съ моимъ племянникомъ обошо́лся? Какъ онъ тебя не *исхи́тилъ?*“ — „Обошо́лся“, — говоритъ:—„А што, тётушка, мою жену не видала? не забѣгала сюды?“ — „Вотъ недавно на печѣ лёжа́ла, да ушла домой“. — Пріѣзжаетъ домой, ужъ она до́ма на печѣ лежи́тъ. И стали жить да поживать. Больше не стала никуды́ бѣгать.

---

21. „Микула шутъ“.

1. Микула шутъ поѣхалъ на па́шню. Пашетъ Микула шутъ па́шню; ѣдетъ свяшшеникъ доро́гой; увидалъ, што Микула шутъ пашетъ.—„Бохъ по́мочь тебѣ!“—„Добро жа́ловать!“—„Какъ же ты, Микула шутъ, съ ро́ду не пахалъ, а теперь вы́ѣхалъ пахать?“—А Микула шутъ на то сказалъ: „добрые люди поѣхали сѣять, и на меня доброй умъ напахну́лъ, и я поѣхалъ пахать; напашу́, буду сѣять“. —„Такъ вотъ што, Микула шутъ, загни-ко мнѣ *зипу́нчикъ*, — говоритъ:—у меня *зипуна́* нѣту: дошъ подётъ, а зипуна нѣтъ!“

Микула сказалъ, што „я *ба́ло* (на которомъ полозья гнутъ) забылъ до́ма; ты попаши́ намѣсто меня, а я съѣзжу на твоёй лошадкѣ; да я и пѣшкомъ могу сходить: пуша́й лошадь твоя здѣсь похо́дитъ!.. Вотъ што, батько, ты оде́жду-ту сними: я твою одежду надѣну, а ты мою, а то поѣдутъ

мужики, скажутъ, што попъ пашетъ; неловко!" говоритъ. Свяшшеникъ *лóпоть* худую надѣлъ, а съ себя хорошую одéжду óтдалъ.

2. Приходитъ Микула шутъ къ *маткѣ* и говоритъ: „*Матка*, давай тысчу рублей денегъ! затѣмъ свяшшенникъ отдалъ мнѣ свою одежду, што мы домъ скупи́ли хорóшой". — *Матка* и говоритъ, што „тысчи рублей у насъ нѣту; 9 сотъ есь, а одной сотни нѣту". — „Онъ велѣлъ у дьякона занять сотню".—*Матка* живо побѣжала къ дьякону, сотню рублей заняла́ и подала́ ему денегъ тысчу рублей. Онъ палъ въ лѣсъ и лежитъ, нейдётъ къ попу; а одежду поповскую оставилъ дóма.

Попъ, видно, пахàлъ, пахалъ; „што́ онъ, с...нъ сынъ, долго? штобы онъ тамъ *ма́тку* не обманулъ? надо ѣхать мнѣ домой!"—Пріѣзжаетъ свяшшенникъ домой и говоритъ: „*матка*, ты Микулу шута не видала?"—„Што́ ты, батько?— говоритъ: — я отдала́ ему тысчу рублей денегъ! вы домъ скупи́ли", говоритъ.—Онъ обрати́лся на́ поле, свяшшенникъ, Микулу шута искать.

3. Микула шутъ надѣлъ на себя сарафанъ, подвяза́лся по-дѣвечьи и пашетъ. Подъѣзжаетъ онъ (попъ) къ дѣви́цѣ и здорóватца: „здраствуёшь, Микулишна!" — „Здраствуёшь, батько!" говоритъ.—„Я,—говоритъ: — поѣхалъ твоёва брата искать!"—„А я,—говоритъ:—принесла́ ему хлѣба, да лошадь даромъ стои́тъ, а ево нѣтъ!" — Попъ и говоритъ: „Микулишна, ты лошадь брось тута! онъ придётъ, такъ вспа́шетъ, а ты иди ко мнѣ: хоть деньги-тѣ этѣ немнóжко заживи!"

Микулишна сказала: „я, батько, рада мѣсту: я съ го́лоду пропа́ла — съ имъ живу!... Такъ нужно, ба́тько, лошадь вы́прекчи: хто ево зна́етъ, скоро не ско́ро онъ пріѣдетъ? пушай лошадь хоть ѣсъ, ходитъ!" — Привозитъ Микулишну домой, сказалъ попадьѣ, што „не нашолъ Микулу самово́, а вотъ привёзъ ево сестру: пушай хоть поживётъ, деньги у насъ заживётъ котóры!"

4. Онъ [Микула] жилъ до́лго, сознакомился—у попа было три дочери, — потихоньку наладилъ *имя́* ..... *То* попъ говоритъ *маткѣ*: „што-то у насъ, матка, дочери *сы́ты* стали ши́пко! Не Микула ли самъ живётъ ето у насъ?"— Попадья говоритъ: „какъ мы ево узна́емъ?" — „Истопить нужно ба-

ню“.—Посыла́лъ своихъ дочерей съ ею въ баню, съ Микулишной. Дочери приходятъ.—„Не Микула ли есь?“—„Што́ вы думаите? што мы дѣвки, то́ и она дѣвка!“—Попъ отвѣтилъ: „*тупа́й, матка*, съ ей сама́! лучше узнаешь“. — Во второй разъ онъ нейдётъ: „у меня,—говоритъ:—голова заболѣла, я и такъ угорѣла!“—„На будушшей день истопимъ баню, — говоритъ: — пойдёшь?“ — „Пойду“.....

5. Тогда купечество наслы́шались, што у попа дѣвки этаки *сы́ты*, хоро́ши, пріѣхали сватать поповскихъ дочерей. Всѣхъ трёхъ дѣви́цъ подводи́ли, а купцы сказали:... „не возьмёмъ не котору“. — А попъ сказалъ: „есь у меня дѣвушка хорошая, чистинькая, Микулишна...“ — „Веди́ Микулишну!“ — Микулишна приходитъ... Согласились купцы взять её. *Батько* тѣмъ же разомъ повѣнчалъ; купцы повезли её домой.

6. Привезли её домой, посадили; посидѣли, потомъ *дру́жки* повели её на подкле́тъ (въ спальну). Лёгъ Микула шутъ съ женихомъ и говоритъ: „охъ, женихъ, у меня брюхо заболѣло“.—Микула шутъ ушшу́палъ у жениха въ карманѣ бумажникъ: „это,—говоритъ:—што у тебя?“—„Деньги“.—Микулишна отвѣчаетъ: „да-ко мнѣ,—говоритъ:—сто рублей, не отвали́тъ ли у меня отъ сердца?“ — Женихъ вынимаетъ деньги, сто рублей, отдаетъ Микулишнѣ. — „Ми́лой мой женишо́къ, отъ серца отва́ливатъ! нѣтъ ли ишо?.. Отъ серца меня отвали́ло хорошо, дакъ на ..... меня ма́нитъ, а терпѣть я не могу́!“ — ..... близко нѣту; а женихъ говоритъ, што „вездѣ за́перто“.—Микулишна отвѣтила: „окно отворяетца; ты меня на холсту́ спусти́, я ....., ты меня опять и затя́нешь!“—Только Микула спустился,—тутъ лежитъ козёлъ. Онъ привязалъ ево за рога и говоритъ, што „я гото́ва, ташшы́ меня!“—Женихъ притащшы́лъ козла́. „Што такое? оввернулась моя невѣста *козлухой!* Вотъ бѣда! Куды жо теперь я?“—А Микула былъ таковъ (ушолъ).

7. Женихъ на кровать, и козёлъ прыгнулъ также къ ему на крова́ть. Женихъ началъ бѣгать по избѣ, козелъ спрыгнулъ съ кровати, бѣгатъ также по избѣ, бѣгатъ и ревётъ. *То* онъ закричѣлъ несча́дно своихъ дружекъ. Дружки приходятъ: „што тутъ сдѣлалось?“ — „Вотъ у меня невѣста оввернулась козлухой“.—Невѣсту *лупи́ли* дружки несча́дно; только съ козлухи шерсь летитъ, какъ онѣ понюжа́ютъ:

„оввернёшша!“—До тово *стегàли*—козлуху убили. Купецъ приказалъ её вывезти на назёмъ, зарыть.

8. Поутрý Микула шутъ приходитъ къ попу самъ. (Срядился въ мужицкую одежду). Микула шутъ съ попомъ поздорóвался, а попъ и здѣлался радъ, што Микула пришолъ къ ему. — „Ну, какъ, Микула шутъ? — ты́сячу рублей ты у *мáтки* взялъ, отдай мнѣ деньги!“ — Микула шутъ на то сказалъ: „я слыхалъ, будто ты сестру óтдалъ за купеческова сына; съѣздимъ, жениха посмотримъ, потомъ я тебѣ деньги отдамъ!“—Запрегли лошадь, пріѣзжаютъ къ купцу. Попá 'стрéтили, посадили за столъ, начáли потчивать. — „Пóтчиванье мнѣ,—сказалъ Микула:—не нужнó! покажúте жениха и невѣсту!“ — Купецъ объясняетъ брату Микулѣ, што „што-то молоды́ не здоровы“. — „Я не хочу слушать; всё-таки придти не на долго время можно!“

Свяшшеннику сказали онѣ, што „невѣста оввернулась кóзлухой, мы её убили“. Наконецъ и ему сказали.—„Богатые купцы людей бьютъ!.. Тебѣ, попъ, не отдамъ деньги, а на ихъ прóзьбу напишу, што мою сестру убили!“—Купецъ сказалъ: „Микула шутъ, возьми съ меня двѣсти рублей, только прозьбу не пиши! её ужъ теперь не воротишь!“ — (Вотъ онъ какой зипун'омъ загибаетъ!). Попъ сказалъ: „и я съ тебя не возьму тысчу рублей; не калякой нигдѣ!“ — Микула шутъ на ето былъ согластенъ; получилъ съ купца ешо двѣсти рублей, потомъ отправился домой.

9. Приходитъ домой; пошолъ въ поле, розыскáлъ свою лошадь, убилъ и зáдралъ её (кожу съ неё слупúлъ): нéчево работáть на ей. Потомъ онъ пошолъ, поташшылъ свою кожу на ярманку продавать. Дѣло къ нóчѣ. Идётъ башки́рецъ на ярманку и говоритъ: „Микýлка, возьми меня на ярманку: моя *фатéра* нѣту!“—Заходятъ онѣ въ такой пустой домъ: никовó въ домý нѣту. Башки́рецъ лёгъ нá печь, а Микула шутъ лёгъ на полати, а кожу бросилъ середь пóлу. Купецъ пріѣзжаетъ и говоритъ: „Ахъ, што-то душечки долго нѣту!“— Вдругъ къ ему купчиха являетца. Купецъ сказалъ: у насъ съ тобой всяко, душечка, бывало; ..... Башкирецъ говоритъ: „Микýлка, у тебя собака 'кожа кончáтъ!“—Микула шутъ громко скричалъ: „*цы́ма*!..... отсюда!“— Купецъ испугался и купчиха; выбѣжали оба нагíе, сяли на карéту и уѣхали; а одежду оставили тутъ.

10. Поутру [Микула] башкирца проводилъ на базаръ, а самъ надѣлъ купеческую одежду и пошолъ на рынокъ, и кожу понёсъ. Идётъ мимо купеческова дому; купецъ высылаетъ лакея: „поди,—говоритъ:—спроси, лакей,—одежда моя на ёмъ,—гдѣ онъ взялъ?“—Лакею отвѣтилъ Микула шутъ: „я взялъ ету одежду въ трахтирѣ“.—Купецъ далъ ему сто рублей денегъ: „пушай онъ ету одежду оставитъ, гдѣ взялъ, а сто рублей вотъ ему награ́ды!“—*То* онъ ету одежду сбросилъ, надѣлъ ба́рошнину одежду. Въ ба́рошниной одеждѣ идётъ. Бароня увида́ла, што въ одеждѣ въ её идётъ, высылала лакейку. Лакейка подходитъ и говоритъ: „умница, гдѣ ты ету одежду взяла́?“—„Въ трахтирѣ“.—Бароня подаетъ ей сто рублей денегъ: „подай ей: гдѣ она взяла́, пушай тамъ и оста́витъ, пушай не съ кѣмъ не толкуетъ бо́льше!“

11. Составилось у ево денегъ 1600 рублей; потомъ онъ свою ко́жу продалъ за рупь. Приходитъ въ свое селе́нье домой. Собра́лся сходъ, совѣтуютъ объ хорошихъ дѣла́хъ. Онъ приходитъ на сходку.—„Объ чёмъ больше совѣтуите? также я съ вами посовѣтую. Вотъ я заколо́лъ свою лошадь, продалъ кожу за 1600 рублей. Не вѣрите, сошшитайте мои деньги! знаите, што мнѣ денегъ взять не́гдѣ“.—*То* онъ вы́ложилъ свои деньги; сошшитали, у нево дѣйствительно 1600 рублей. *То* народъ разошли́сь, пошли своихъ лошадей колоть—продавать кожи. Ко́ней всѣхъ приколо́ли, по одной лошадёнкѣ оставили (воза́ наколо́ли кото́ры бога́ты мужики́); привозятъ много возовъ этихъ кожъ, а кожи не по чёмъ, не берутъ. Кое-какъ разсова́ли эти ко́жи—хто по рублю, хто по́ два.—„Вотъ онъ што́ подлецъ и сдѣлалъ! Поѣдемте, ребята, домой, поймамъ ево, убьёмъ за ето, што онъ насъ обману́лъ!“

12. *То* пріѣхали домой. Онъ идётъ по озеру. Они прибѣжали артелью, схватили ево, завязали въ рогожу.—„Ребята, пойдёмъ, пообѣдаемъ, возьмёмъ *пѣшню*, лопа́тку, сдѣлаемъ про́лупь, уто́пимъ ево въ озерѣ!“ — *То* — *поку́ль* онѣ завтракали, а по озеру купецъ ѣхалъ, арендаторъ, которой *держалъ* ето озеро. Купецъ увидѣлъ, што куча така́ лежитъ: „кучеръ, *ада́* приворачивай къ етой кучѣ ближе!“—Купецъ подъѣхалъ.—„Хто тутъ такой?“—А онъ скричѣлъ: „въ окуни́но царство меня садятъ царить, а я царить не умѣю!“—А купецъ говоритъ: „я царить умѣю!“—„Развяжи меня, се-

часъ тебя въ цари посáдятъ!"—Купецъ Микулу шута развязалъ, а онъ купца завязалъ; сялъ въ повозку и сказалъ: „кучеръ, пошóлъ!"—То прибѣгаютъ мужики, выдáлбливаютъ большую прóлубь и спустили купцà въ окунино царство.

13. Мужики приходятъ домой, сходку собрàли, совѣтуютъ: гдѣ лошадей взять подешевле?—Микула шутъ тутъ ѣдетъ на тройкѣ лошадяхъ—лошади воронúе,—въ повóзкѣ. Микулу шута увидѣли и закричѣли народъ ево: „остановись, Микула шутъ! посовѣтуй съ нами!"—Онъ подъѣхалъ къ сходкѣ.—„Мы думали, што ты, Микула шутъ, потонулъ, а ты, видно, жить хочешь. Гдѣ ты такихъ лошадей взялъ?"—„Охъ вы, чудаки эдаки! тамъ есь буры и коуры и какихъ нáдо: табунú ходятъ цѣлые! Я только скричѣлъ, подбѣжáли ко мнѣ тройка лошадей, я вотъ запрёгъ и ѣзжу".—„Микула шутъ, нельзя ли какъ намъ?" — „*Айдàте,* прóлуби долбите всякъ себѣ пошире, штобы провести кóней побольше!"—То онѣ надолбили прóлуби широкіе. Скричѣлъ Микула шутъ: „кричите, кому какихъ надо, такіе и подбѣгутъ—кому бурыхъ, кому коурыхъ!"—Сколько ле было въ селеньѣ мужиковъ, всѣ вразъ пàли. Тогда сказалъ кучеру: „пошóлъ!" Поѣхали впередъ. Проѣхали версты три; тогда онъ сказалъ кучеру: „кучеръ, стой! теперь я пойду пѣшкóмъ! кóней мнѣ не надо!" (Самъ вонъ настряпалъ што!).

14. Жóны ихъ сказали: „што-то нашихъ мужьёвъ долго нѣтъ?... Да вѣдь ешо подерутца тамъ объ кóняхъ-то: получше *загля́нецца; зависны́е*!" говоритъ.—У которова пузырь лóпнетъ, тотъ и выплыветъ назадь. Бабы подбѣгутъ: „мой кончáлся!"—Такъ и не могли неодновò живóва выплыть назадь; и кóней нѣтъ—всѣ кóнчились.

15. То бабы *ихи* сказали: „мы ево, подлецà, поймаемъ, мы ево валькàми убьёмъ!"—Увидали Микулу шута, побѣжáли ево ловить; поймали ево въ лѣсу, привязали ево къ берёзѣ, а бить *имя́* нéчѣмъ. Пошли онѣ домой за валькàми. Только ушли отъ ево домой, а изъ другова селенія идётъ молодецъ мимо ево. — „Што ты, дядюшка, привя́занъ?"—„Въ этомъ селеньи невѣстъ много, а жениховъ нѣтъ; хóчутъ меня женить, а мнѣ не хóчецца женицца!"—Молодецъ былъ холостой, ему женицца надо.—„Ахъ бы мнѣ женицца!"—„Давай, тебѣ сейчасъ невѣстъ много наведутъ, только выбирай! Давай, отвязывай меня!"—Молодецъ ево

отвяза́лъ. Микула живо ево привяза́лъ кре́пко, штобы молодецъ не могъ отвяза́цца. Самъ отпра́вился въ путь отъ ево. А бабы прибѣжали, приташшы́ли—хто валёкъ, хто *стяжокъ*; давай ево жарить, а онъ кричитъ: „вы меня жени́те!“—„Мы тебя, подлеца́, же́нимъ!“—Молодца етова убили, наташшы́ли досо́къ, гробъ ему сколотили, а въ землю не зары́ли: „будемъ . . . . . “, говоритъ.

16. Потомъ онъ молодца изъ гробу выташшылъ, самъ лёгъ, пробилъ дыру и взялъ себѣ жига́ло. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Тогда она испуга́цца, бѣжать отъ гробу. Не стали къ ему ходить ужъ: онъ ихъ всѣхъ перепуга́лъ. Потомъ онъ идётъ по селе́нью,—онѣ ево скричѣли къ себѣ добровольно; сказали ему: „Микула шутъ, ходи къ намъ

. . . . . ;

---

22. [Иванъ царевичъ и Самъ съ нокоть-борода съ локоть].

1. Жилъ былъ царь. У царя былъ сынъ Иванъ царевичъ. Захотѣлось ему въ полѣ погулять; и вотъ онъ ходилъ по́ лѣсу близь недѣли. *Натака́лся* на Горы́ню богатыря; потомъ онѣ сдружи́лись, пошли съ имъ вмѣстѣ. Послѣ этова ешо натака́лись на Усы́ню богатыря. Ихъ составилось трое теперь.

Доходятъ онѣ до такова дому, въ ди́кимъ лѣсу. Домъ этотъ кругомъ за́пертъ. Подходятъ къ воро́тамъ; воро́ты на тяжо́ломъ замкѣ за́перты. Заставлялъ онъ Усыню богатыря замо́къ ломать; Усыня богатырь никакъ не могъ этотъ замо́къ изломать. Горыню заставлялъ (Иванъ царевичъ всё глядитъ на ихъ); Горыня тоже не могъ поломать замокъ этотъ. А Иванъ царевичъ послѣ ихъ—какъ взялъ за замо́къ—куды́ замокъ полетѣлъ: живо всё розломалъ и воро́та отворилъ. Заходятъ онѣ во *дворецъ*; увидѣли тамъ разной скотины—коровъ, овецъ—много.

Нужно *имя́* ворвацца въ ко́мнаты, а дверь тоже на тяжо́ломъ замкѣ за́перта. Иванъ царевичъ тогда ихъ не заставлялъ, взялъ за замо́къ, изломалъ, заходитъ въ комнаты. Въ комнатѣ никово нѣтъ. Пошли онѣ въ омбары, нашли